

Ваш Кривой
Москва 1926

*
Куда больше зрелости и свежести обнаруживает Артем Веселый.

Веселый ищет не только слов, но и возгласов, криков, непривычных звуковых эффектов, чтоб ярче выразить свои художественные страсти. Он не довольствуется обыкновенной организованной речью. Как партизану его Гришке, ему не хватает слов. Если бы можно было писать ногами, руками, дыханием, жестами, мимикой, то молодой автор выполнил такую героическую задачу.

Веселый распахнул художественное окошко, через которое на читателя сразу глянули люди-вихри, люди-смерти—люди стихии.

Стихия торжествовала у него не только над людьми, митингами, собраниями. Стихия подобралась к машине, она стала управлять ею. Как передать эту стихию точной, спокойной, размеренной речью? Как схватить темп, быстроту, дыхание ее? Словами-вихрями, словами-смерчами. И молодой беллетрист вздыбил, разогнал, разметал их по типографским полям и дорогам.

Но чем дальше, тем сдержаннее становится Артем Веселый. Если в ранних вещах стихия водит его пером, то в романе «Страна родная» сказывается определенная степень зрелости и роста.

Автор подошел к годам гражданской войны со стороны некоторых решающих внутренних процессов революции.

Мрачная поэзия разрушительных начал гражданской войны не гасит откровенной любви Веселого к ядру

революции, прорубавшему городским секирами просветы для будущего создания в дремучих деревенских лесах.

Веселый не увлекается уже так своими ураганными героями, умеет развенчать их и часто с успехом развенчивает. И развенчивает потому, что понял бессилие их силы, что художественно уловил их социальную обреченность.

Помимо этого, он в этом романе сочетает передачу отдельных фигур с изображением массовых, множественных явлений, вещей и событий. Действующими лицами в большей мере являются именно такие огульные явления деревни, волости, казармы, избы, дома, улицы, заводы, город, уезды, передаваемые скопом, потоками.

«Волость понесла, как развозженная лошадь». «Молодая деревня отгуливала оставшие денюжки», «обглоданная старая деревня ползла на околицу», «улицы кубышкой». Не только такими описательными приемами передает Артем огулы и скопы. У него они перекликаются, разговаривают, действуют:

«Древние избы глухо спрашивали незваных гостей:

— Почто?

— Надо. Советская власть спрашивает с надеждой и глядит на вас, и спрашивает вас».

С бесстрашием и мужеством, достойными более зрелого художника, он отыскал для осуждения ярой, но внутренне — беспомощный стихии такой мощный образ, который, с одной стороны, собранным светом освещает всю суть романа, а с другой — дает зеркальное отображение кульминации бешеной схватки между вздыбленными деревнями и организованным городком Клюквинным.

«Анархистом звали могучего и яростного мирского быка. По лютости своей он был подобен зверю. Держали его взаперти, но не раз в припадке гнева и молодого озорства он рвал срезховую цепь, которой его приковывали к колоде, ломая загородки».

Этот бык напоролся на хлебный маршрут, который шел на под'ем. «Два рева старались перебороть друг

друга и заглушали крики шабжающих и суетившихся вокруг людей. Анархист снова и снова ударился с разбегу, рога его уже были сломаны, дрожали точеные ноги, ходили взмыленные бока и морда его была залита кровью и нефтью... разбежался в последний раз стукнулся, передние ноги подломились, и, испуская последнюю силу ревом, он упал перед врагом на колени, потом медленно рухнул на бок и устало свернул слипшиеся от крови глаза. Из-под чугунного колеса брызнула белая кость, и маршрут прошел Хомутовым, не останавливаясь — на под'еме машинист не мог остановиться».

В этой краткой художественной формуле скрыт весь замысел романа. В решительные минуты на под'еме маршруты революции остановиться уже не могут. Победителями оказываются шаровозы этих маршрутов, а правыми выходят их водители.

И в «Стране родной», а еще более в «Диком сердце». Веселый, как художник, все же часто появляется в шапке партизана, с перехваченными на-крест через грудь пулеметными лентами слов, образов, возгласов. Пора окончательно разделаться с партизанщиной и больше налегать на инженерию и архитектуру. Архитектура чрезвычайно хромает у Веселого. У него чересчур большое обилие людей, которых он подчас сам забывает. У него часто нет увязки между главами. И нет точности и расчлененности в построении. При изображении огульных явлений он слишком часто дает волну глотке в «33 диаметра», какой обладает один из его героев. Артем может и должен находить слова для тех явлений, которые его тревожат.

Дар путряного объективизма, которым наделен Артем, вместе с огромным реалистическим чутьем и нетронутой, нешессякаемой, почти первобытной свежестью автора, с особой силой проявляющейся в новой его работе «Горькая кровь», дают основание предполагать, что Веселый займет одно из первых мест в среде молодых художников революции.

С ПАКЕНТРЕЙГЕР